

Глава первая

1904 год

Леди Виола Норткомб взглянула на свое отражение в старинном потускневшем большом зеркале в подвижной раме, стоявшей в углу ее спальни, и вздохнула.

Будучи по-ангельски чистой и непритязательной, она не замечала ни красоты своего лица, обрамленного каскадом золотистых локонов, ни глубоких и выразительных глаз невероятного фиолетового оттенка, окаймленных ресницами, темные тени от которых ложились на ее розовые щечки.

Нет, сейчас леди Виола видела лишь свое старомодное, отороченное кружевами бальное платье цвета слоновой кости.

В свои девятнадцать лет Виола не обращала особого внимания на моду.

Ее вполне устраивал костюм для верховой езды или простое полотняное платье, в котором можно было сидеть в саду.

Но сегодняшний вечер был особенным, и ей хотелось выглядеть... чуточку привлекательнее. Да, пожалуй, именно так.

— Нанни, нельзя ли сделать что-нибудь с моим платьем, чтобы оно смотрелось хотя бы немного моднее и современнее? — поинтересовалась она у вошедшей в спальню круглолицей пожилой женщины в черном платье с маленьким ажурным воротничком.

Нанни Барстоу осторожно опустила на комод принесенную стопку свежевыглаженного белья.

Затем, глубоко вздохнув, неторопливо расправила складки на платье и фартуке. Нескончаемые лестничные пролеты, ведущие из подвала высокого лондонского дома, были очень крутыми, а ведь она не становилась моложе.

— Послушайте, миледи, у меня и так хлопот полон рот, мне нужно приготовить вас и вашего брата для поездки в Америку, поэтому мне некогда беспокоиться еще и о красоте вашего балльного платья.

Под напускной суровостью Нанни Барстоу скрывалось доброе и любящее сердце.

Она была камеристкой матери Виолы и нянечкой самой девушки и ее брата-близнеца Дэвида с момента их появления на свет и без раздумий отдала бы за обоих свою жизнь.

Нанни было неприятно сознавать, что ее леди Виола вынуждена носить старое бальное платье, некогда принадлежавшее ее пожилой кузине, мисс Эдит Мэттьюз. Мисс Мэттьюз была владелицей дома, в котором они жили, расположенного на большой лондонской площади. Как с иронией сообщила она Виоле, дни, когда сама она бывала на балах, остались в прошлом. Постоянная боль в бедрах и коленях причиняла ей страдания, и она почти не выходила из своей комнаты.

— Перестаньте жаловаться, миледи. Мисс Мэттьюз поступила крайне великодушно, разрешив вам надеть ее платье. Сейчас я обрежу несколько торчащих из-под подола и рукавов ниток, а вы наденете свои чудесные длинные перчатки, и все будет в полном порядке.

Виола вздохнула.

— Лучше бы вместо двух билетов на пароход до Нью-Йорка папа прислал нам больше денег. Не понимаю, почему ему вдруг захотелось, чтобы мы навестили его. Раньше, когда он путешествовал за границу, подобного с ним не случалось.

Нанни Барстоу презрительно фыркнула, но ничего не ответила.

Не такого она была мнения о графе Норткомбе, чтобы высказывать его вслух в присутствии Виолы!

Супруга графа, Елена, скончалась от пневмонии, когда близнецам исполнилось всего по четыре годика.

Нанни полагала, что любой нормальный мужчина перенес бы всю свою привязанность и внимание на детей, но графа, похоже, собственные дети нисколько не интересовали.

Своих денег у него было очень мало, и он целиком и полностью полагался на доходы от инвестиций покойной супруги.

Весь семейный капитал был вложен в ценные бумаги и заморожен, дабы полностью перейти к близнецам по достижении ими двадцати одного года.

На протяжении нескольких последних лет граф, обладая беспокойной натурой, пускался в одну финансовую авантюру за другой — с намерением составить себе капитал, но каким-то образом неизменно терпел неудачи.

Нанни боялась даже представить, что случилось бы с близнецами, если бы не доброта и щедрость мисс Эдит Мэттьюз.

Два года тому назад граф отбыл в Америку, и, не считая нескольких писем, близнецы не получали от родителя никаких известий, вплоть до присланных билетов с прилагаемым посланием, в коем он извещал их о необходимости пересечь

Атлантику и присоединиться к нему в Нью-Йорке как можно скорее.

— Я была бы очень вам благодарна, если бы вы позволили мне закончить укладывать ваш пароходный кофр, в противном случае утром вы никуда не поедете, — упрекнула девушку Нанни. — А теперь поспешите, леди Виола. Ваш брат вот уже двадцать минут ожидает вас в гостиной.

Виола ущипнула себя за свои розовые щечки и подхватила меховой палантин.

— Подумать только, Нанни, завтра в это же время мы уже будем в море!

— Гм! По моему скромному разумению, было бы куда лучше, если бы вы вдвоем тихо и мирно сидели дома!

Виола засмеялась.

— Ах, няня! Ты так трясешься над нами! Тебе же прекрасно известно, что Шарлотта лично пригласила нас на бал в честь своего дня рождения. Мы никак не могли отказаться. В конце концов, она — моя лучшая подруга.

Суровые черты Нанни смягчились.

Она и впрямь питала слабость к мисс Шарлотте Брент и вынуждена была признать, что живая и подвижная юная наследница состояния Брентов неизменно оставалась верной своей дружбе